

УДК 821.112: 2.31

ДИНАМИКА ПРОСТРАНСТВА ЭМИГРАЦИИ В РОМАНЕ КЛАУСА МАННА «ВУЛКАН»¹

Алиса Сергеевна Поршнева

к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

620002, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 5. alice-porshneva@yandex.ru

Статья посвящена вопросам взаимодействия пространства и сюжета в романе К. Манна «Вулкан». Исследуется феномен пространства эмиграции, которое в аксиологическом смысле инвертировано по отношению к пространству классического мифа. Анализируется основное направление динамических процессов в пространстве эмиграции – расширение центральной «темной» зоны, которое находит свое выражение в событиях большого и малого масштаба. Рассматривается особая группа персонажей – культурных героев, возникающая как реакция на это расширение. Выводы статьи касаются как динамики пространства в романе «Вулкан», так и вопросов взаимодействия пространства и сюжета в эмигрантском романе в целом.

Ключевые слова: К. Манн; эмиграция; эмигрантский роман; пространство; сюжет; динамические процессы; культурный герой.

Клаус Манн принадлежит к числу деятелей культуры, покинувших Германию после прихода к власти национал-социалистов в 1933 г. Опыт жизни в эмиграции нашел отражение в двух романах писателя – «Бегство на север» и «Вулкан». Оба эти произведения могут быть рассмотрены как образцы жанра эмигрантского романа – жанра, сформировавшегося в немецкой эмигрантской литературе и представленного в том числе романами Э.М.Ремарка («Возлюби ближнего своего», «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне», «Тени в раю», «Земля обетованная») и Л.Фейхтвангера («Изгнание»).

В отличие от Ремарка и Фейхтвангера, имя Клауса Манна мало известно читательской аудитории, а его творчество изучено сравнительно слабо. Его знают в первую очередь как автора романа «Мефистофель» (изучением которого занимались, например, Н. Н. Кудашова [Кудашова 2006], Ф. Альбрехт [Albrecht 1988], Л. Фитцсиммонс [Fitzsimmons 2001]). Что касается эмигрантских романов писателя, то они остались вне поля зрения историков литературы и не были переведены на русский язык. При этом данная часть творческого наследия К. Манна нуждается в изучении еще и потому, что она обогащает наше понимание жанровой специфики немецкого эмигрантского романа.

Представляется, что одним из ключевых аспектов поэтики эмигрантского романа является

его пространственная организация, которая демонстрирует принципиальное сходство у всех перечисленных ниже авторов. Ранее для ее анализа нами был предложен термин «пространство эмиграции» – художественное пространство, выстраиваемое из перспективы героя-эмигранта и порождающее определенные типы сюжетов и символических полей [Поршнева 2010]. На наш взгляд, этот термин, оказавшийся результативным при анализе эмигрантских романов Э. М. Ремарка и Л. Фейхтвангера, применим и к исследованию «Вулкана» К. Манна.

«Вулкан» представляет собой многоплановое, «панорамное» повествование о немецкой эмиграции, включающее в себя несколько сюжетных линий и отличающееся выраженным антинацистским пафосом. В числе персонажей выведены различные категории эмигрантов, основными из которых являются идеологические оппоненты национал-социалистического режима и евреи. В эмиграции они выбирают различные поведенческие стратегии. Некоторые герои принимают участие в борьбе против наци и их союзников – поддерживают «нелегалов» внутри страны, участвуют в гражданской войне в Испании на стороне антифранкистских сил, оказывают идеологическое воздействие на общественное мнение; другие персонажи заняты устройством своей частной жизни. Однако сюжетные линии и тех и

других определяются пространством, в котором они существуют, – пространством эмиграции.

В структурном отношении пространство эмиграции повторяет пространство мифа, которое организовано в виде концентрических кругов вокруг сакральной точки, имеющей статус центра мира [см.: Мелетинский 2000: 205, 212; Бидерманн 1996: 193; Альбедиль 2002: 119]. Непосредственно прилегающей к центру мира территорией является сакральная земля, ее окружает населенная варварами профанная земля, далее – на окраинах ойкумены – располагаются населенные персонифицирующими хаос чудовищами (великанами, гигантами, циклопами и др.) враждебные земли.

Аксиологические характеристики пространства эмиграции, напротив, «обратны» аксиологии классического мифа: центральная часть пространства («снаружи» [Mann 1999: 16, 20, 141, 255]² (здесь и далее перевод мой. – А.П.) которой располагается остальной мир), образованная Третьим рейхом, соотносится не с сакральной, а с враждебной землей, не охваченной культурой, лишённой разума и порядка. Окраинная зона – различные страны за пределами Европы (США, Латинская Америка, Палестина, Новая Зеландия, французские колонии) – напротив, в картине мира героя-эмигранта обладает наиболее ценностно-позитивным статусом. Располагающаяся «между» ними не-немецкая Европа (первое «кольцо» вокруг Рейха) представляет собой «проблематичный континент» (381), в котором уравнивают друг друга дружественное и враждебное отношение к эмигрантам, возможность самореализации и препятствия к ней, сопротивление и попустительство немецкой экспансии [см.: Поршнева 2013].

Выстроенное таким образом пространство оказывает воздействие на героев, заставляя их отдаляться от аксиологически негативной зоны. Центральный «темный» участок пространства, образуемый Третьим рейхом, действует на эмигрантов с выталкивающей силой, побуждая удаляться от него на все более значительное расстояние. В частности, решение Марион об эмиграции описано в следующих выражениях: «Что до Марион, то для нее эмиграция была чем-то само собой разумеющимся. Не стоило сомневаться в том, что отныне ее свобода и, возможно, даже жизнь были в Германии под угрозой; отращивание и ненависть *знали ее прочь*» (19) (выделено мной. – А.П.). О своем учителе, профессоре Беньямине Абеле, Давид Дойч говорит так: «Моего старого Абеля – саму безобидность – *гонят в изгнание*» (107) (выделено мной. – А.П.). Сам Абель считает: «Меня *вышвырнули* из Гер-

мании» (114) (выделено мной. – А.П.). Очевидна «выталкивающая» семантика глаголов и глагольных выражений, выбранных автором для описания мотивов отъезда героев из Третьего рейха.

Основным направлением пространственных преобразований, отчетливо прослеживаемым в пространстве эмиграции, является расширение границ центральной территории за счет периферийных зон. Такое расширение обусловлено стремлением Третьего рейха подчинить своему прямому и косвенному влиянию как можно больше стран и ликвидировать очаги идеологического сопротивления на периферийных участках территории. Этот процесс также представляет собой инверсию соответствующих процессов, происходящих в мифологическом пространстве, где центральная – сакральная – зона расширялась за счет присвоения и «окультуривания» соседних профанных земель. Так, например, в греческой мифологии царь и культурный герой Тесей [Плутарх 1990: 43–44] истребляет живущих на территории Аттики разбойников и устанавливает там единый закон; именно вследствие этого сакральная земля расширяется до масштаба всей Аттики. В пространстве эмиграции этот процесс имеет противоположную аксиологию и выглядит не распространением законов и культуры, а экспансией варварства и дикости.

В масштабе всей Европы расширение «темного» мира проявляется в том, что Германия подчиняет своему прямому или косвенному влиянию прилегающие к ней территории. Одним из мотивов бегства Дитера (героя второго плана) из Рейха становится нежелание содействовать этому процессу – «потому что Рейх должен стать *еще больше*» (541) (выделено мной. – А.П.), «чтобы эта каторжная тюрьма стала *еще больше*» (551) (выделено мной. – А.П.).

Одним из первых объектов территориальных притязаний Третьего рейха становится Заар. Непосредственное присоединение этого участка первого «кольца» к Германии происходит в 1935 г., и это выталкивает оттуда новую волну эмигрантов: «Год 1935 еще не успел состариться, а уже прибывали все новые беженцы. Это были те, кто в свое время в Зааре выступал против присоединения этой области к Третьему рейху. Заар стал немецким. Гитлер праздновал триумф» (196–197). По этому поводу эмигранты задаются вопросами о пределах немецкой экспансии: «Как далеко должны зайти наци, чтобы Англия и Франция потеряли терпение? Где-то же должна быть граница, – думали они все. – Остановится ли перед ней Гитлер? <...> Некоторые считали: граница – это Австрия. Вену он не получит. Дру-

гие оставались скептическими: Англия пожертвует и Веной ради своего дорогого мира. <...> И тут чехи объявляли: если нет никакой другой границы – то нашу он не перешагнет» (197); «Как далеко уже продвинулись разбойники? Какие местности сейчас подвергаются бомбардировкам? <...> Предпримет ли Англия серьезные санкции против агрессоров?» (198). Следующим объектом территориальных притязаний Третьего рейха становится Австрия: «Наци хотели иметь Австрию» (196) – позже эта страна становится частью Германии, «Восточной маркой» (Ostmark). Австрия не становится для немецких экспансионистских устремлений непреодолимой границей: она «не оборонялась, во Франции был правительственный кризис, Европа наблюдала с почтительным напряжением исторические процессы, фюрер и дуче обменивались радостными телеграммами» (493). Марион предсказывает и дальнейшее расширение немецкой территории в Европе: «Прага падет! <...> Франция и Англия будут защищать Чехословакию так же слабо, как они защищали бедную Австрию» (506).

Расширение центральной, «темной» зоны пространства эмиграции проявляется не только в глобальном «измерении» – основным из таких «больших» событий является присоединение Заара и Австрии к Германии, – но и в ряде событий «маленьких», которые в то же время встраиваются в основную тенденцию пространственной динамики в романе.

И центральные, и периферийные персонажи романа переживают ситуации, которые являются составляющими процесса расширения «темного мира». В частности, прибывшие из Германии молодые рабочие-социалисты, ученики Тео Хуммлера, жалуются ему «на легковерие рабочих; ... что они позволяли совращать себя любой ложью, преподносимой каким-нибудь болтуном. “Я знаю очень многих, которые были с нами или с коммунистами, а теперь носят в петлице свастику”» (139). Переход бывших оппонентов национал-социалистического режима в ряды его сторонников как результат пропаганды тоже является составляющей процесса расширения центральной «темной» зоны пространства эмиграции. Осознавая, что этот процесс идет, Тео Хуммлер декларирует необходимость идеологического воздействия на «пока еще цивилизованные, еще демократические нации» (140) (выделено мной. – А.П.). По словам Ангела, показывающего Кикжу бегство Дитера из Рейха через швейцарскую границу, «прекрасная Швейцария пока еще остается свободной» (538) (выделено мной. – А.П.).

Чем больше расширяется «темный мир», тем менее пригодным для жизни становится первое «кольцо» пространства эмиграции. Вена, уже захваченная немецким влиянием незадолго до присоединения Австрии к Третьему рейху (1937, 2-я часть романа), становится для Абея «разочарованием... Воздух клерикальной диктатуры был спертым и гнилым; борьба против наступающего национал-социализма велась неправильно и боязливо» (362) – первоначально принадлежащая к числу стран первого «кольца», Австрия еще до официального присоединения к Рейху попадает в зону его влияния и в глазах эмигранта перестает быть пригодной для жизни. Эти процессы обретают свое логичное завершение во время присоединения, когда «Вена злоеще изменилась: за одну ночь, без перехода и подготовки, она приобрела чужое и устрашающее лицо. Повсюду развевались флаги со свастикой... <...> “Убийцы... – подавленно думал господин Бернхайм в своем лимузине. – Все они выглядят убийцами. Что стало с моей прекрасной, благочестивой, консервативной Веной?” Даже песни, которые распевались, звучали жутко» (494). Присоединение к Германии делает Австрию частью «темного» мира, его границы снова раздвигаются, как это было и в случае с Зааром, и «прекрасная» Вена становится «чужой и устрашающей». Появляется *Großdeutschland* ‘большая Германия’ (538), Австрия становится ее провинцией – «Восточной маркой» (538). На этом этапе новая волна эмигрантов уже четко осознает: «Что еще им было делать в Европе?» – и сразу старается «добыть себе визы и билеты на корабль для переезда через океан» (502), не задерживаясь в Европе.

Одна из слушательниц Марион, которая намерена уехать в Эквадор, обобщая эти процессы, считает, что «Европе конец, она погибла» (230). Эмигрант Бобби Зедельмайер, вынужденный закрыть свой бар в Париже, рассказывает о своих дальнейших планах, делая акцент на том, что Европа перестала быть подходящим для него местом: «Европа вообще становится слишком тесной! Я сыт ею по горло. <...> Я хочу уехать в Китай. <...> В Шанхай. <...> Дальний Восток – моя давняя мечта. Там я совершенно точно найду свое счастье...» (185).

Руководитель комитета помощи евреям господин Натан считает, что ситуация в Европе стала «безнадежной» (372). Майорка, считавшаяся «самым мирным островом, беззаботным маленьким раем, расположенным очень далеко от шума и опасностей мира», переживает вторжение сил итальянского фашизма, налет «бомбардировщиков, изготовленных в Италии и управляемых

итальянскими пилотами» (276); причем итальянская армия оказывается здесь частью того зла, которое представлено в романе национал-социалистическим государством: массовыми арестами на Майорке руководят наделенные равными правами «пруссский чиновник» и «римский офицер» (277). Богатый немецкий эмигрант Зигфрид Бернхайм вынужден спешно бежать с острова, оставив принадлежащую ему виллу на произвол судьбы – иначе «он не мог быть спокоен за свою жизнь» (278). В третьей части романа, которая приурочена к 1937–1938 гг., Европа уже объявлена цивилизацией, на которой «лежит проклятие» (484). Эмигранты, которые просят у проживающих в Америке знакомых финансовых гарантий, необходимых им для переезда, употребляют по отношению к не-немецкой Европе те же слова, что использовались для характеристики Третьего рейха: «Я задохнусь здесь!» (505) (о Европе) – «Я должен был уехать, потому что иначе я бы задохнулся!» (551) (Дитер о Германии); отсюда видно, насколько Европа к 1938 г. уже уподоблена Германии, подчинена ее влиянию, периферийное пространство ассимилировано центром.

Лейтмотивом «ухудшения» пространства первого «кольца» становится в романе предчувствие надвигающейся катастрофы – мировой войны: «Никто не знает, что случится в Европе в ближайшее время. Завтра дело может дойти до войны между Англией и Италией – то есть до всеобщей катастрофы. Во Франции уже сейчас почти что идет гражданская война» (265). Кикжу на политическом собрании описывает «апокалиптические картины» и «тот ад, который сейчас подготавливается» (379). «Подготовка тотальной войны» (484) влечет за собой «большой возврат к варварству», «устрашающее возвращение в ночь и смерть» (484–485). Наци видят свою задачу в том, чтобы «распространять адский шум» и «сделать землю адом» (485). Европа становится «большим континентом», который «не хотел больше предоставлять эмигрантам жизненное пространство»; соответственно, для них «Америка была надеждой» (505). В итоге герои, первоначально вытесненные из Третьего рейха установившимся там национал-социалистическим режимом, затем «выталкиваются» и из Европы, которая становится для них «слишком тесной» и непригодной для жизни, хотя первоначально представляла собой спасительную альтернативу жизни в Германии. Можно сказать, что пространство первого «кольца» «ухудшается» и «портится» – и это является, в первую очередь, следствием немецкой экспансии на прилегающие территории.

Если самим фактом возникновения «темного» мира (установление в Германии национал-социалистического режима) эмигранты выталкиваются в пространство первого «кольца», то расширение этого «темного» мира становится причиной дальнейшего вытеснения героев-эмигрантов из первого «кольца» во второе.

В этом контексте следует рассмотреть эпизод конфликта Беньямина Абеля с Феликсом Вольфритцем. В Голландии, проживая в пансионе «Huize Mozart», Абель вынужден терпеть соседство наци – Феликса Вольфритца, брата хозяйки, который каждое утро включает государственный гимн. При попытке договориться с Вольфритцем об ограничении громкости прослушивания гимна Абель сталкивается с агрессивной реакцией последнего: «Только этого мне не хватало! Еврей хочет запретить мне включать гимн моего отечества в моей комнате. Какая безграничная дерзость! У нас все еще поступают с евреями слишком мягко! Как только они оказываются за границей, они теряют всякий стыд!» (135). Защитить себя от оскорблений со стороны наци Абель, хотя и находится за пределами Рейха, не может. Конфликт заканчивается тем, что он вынужден уехать из пансиона. Здесь происходит вытеснение героя-эмигранта представителем мира наци – т. е. в микромасштабе повторяется глобальный процесс присвоения Третьим рейхом периферийных по отношению к нему областей Европы и оттеснения эмигрантов все дальше к окраинам пространства эмиграции.

Изложение данного эпизода К. Манн предвещает следующими словами: «Кто знает, как долго Абель просидел бы в “Huize Mozart”, никуда не двигаясь, если бы маленькое, но фатальное и будоражащее происшествие не заставило его прийти к решению изменить свою жизнь, начать движение, действовать» (134). Эмигрантская биография героя завершается впоследствии в Америке, где он работает в университете, пользуется заслуженным уважением, создает семью и не имеет никакого желания возвращаться в Европу. Поэтому можно утверждать, что в том «толчке», который дает ему инцидент в пансионе «Huize Mozart», заключена выталкивающая сила, возникшая в пространстве эмиграции из-за экспансионистских устремлений его центрального участка. Подобно тому как Германия присваивает себе соседние страны, наци Вольфритц «присваивает» себе амстердамский пансион, а эмигранта Абеля оттуда вытесняет.

Читая лекции в различных университетах Европы в качестве приглашенного профессора, Абель сталкивается с различными трудностями, имеющими «немецкое» происхождение. Его

лекции в университетах Дании, Норвегии и Швеции вызывают недовольство немецких дипломатических ведомств: «Представительства Третьего рейха уже начали торжественно-обиженно протестовать против “бесстыдной антинемецкой агитации” этого агрессивного ученого – после чего официальная скандинавская сторона дала ему понять, что ему следует быть осторожнее». Этот случай «побудил Абеля положительно ответить на почтительное послание из США» (362).

С аналогичными явлениями сталкивается Марион во время своего турне по Европе (в ходе которого она читает фрагменты классической и современной немецкой прозы и поэзии, подбирая их так, чтобы сформировать у зрителей однозначно негативное отношение к режиму наци): «В Вене ей не разрешили выступать, потому что австрийское правительство считалось с реакцией на это Третьего рейха. В Цюрихе фашистски настроенные студенты устроили скандал, когда она читала стихотворение автора, убитого в немецком концентрационном лагере. Полиция выставила нарушителей покоя из зала, про которых позже выяснилось, что они получили деньги от немецкого консульства. После этого случая у Марион всегда были проблемы с тем, чтобы получить разрешение на работу в Швейцарии; некоторые особо осторожные кантоны отказывали ей. Не только в Швейцарии, но и в Чехословакии и Голландии чиновники интересовались выбором стихотворений, которые она собиралась читать. Повсюду стремились избежать проблем с раздражительными немецкими посольствами или консульствами» (227–228). Марион встречается, таким образом, с многочисленными препятствиями «немецкого» происхождения. Те страны, в которых она выступает, формально территорией Германии не являются, но в том, что касается ее гастролей, проводят волю Третьего рейха, т. к. уже частично перешли в зону его влияния.

Ганс Шютте и его друг Эрнст, проживающие в Праге, тоже вытесняются оттуда из-за немецкого вмешательства: на них «пожаловалось пражским властям дипломатическое представительство Третьего рейха», и они покидают Чехословакию, чувствуя, что «воздух сгущается» (195). Точно так же они не могут себе позволить задержаться в Австрии, поскольку под немецким влиянием – «особенно сейчас», когда уже идет речь о присоединении этой страны к Рейху, – ее жители были «особо неблагоприятны к подозрительным товарищам вроде них – беспаспортному сброду, эмигрантскому отребью» (198), – т. е. и в данном случае мы снова наблюдаем действие механизмов выталкивания героев-эмигрантов по

направлению к окраинам пространства эмиграции; это выталкивание всегда обусловлено немецким влиянием.

Описанные динамические процессы в пространстве эмиграции имеют еще одно следствие – то, что среди эмигрантов выделяется особая группа персонажей, которые берут на себя функцию сопротивления экспансии немецкого «варварства» (255). В свете дифференциации «разумных» и «неразумных» участков в пространстве эмиграции можно говорить о том, что «цивилизованные» периферийные зоны пространства порождают культурных героев – их функцию выполняют те из эмигрантов, которые участвуют в борьбе против наци, сопряженной с нелегальными поездками в Германию с целью пропаганды, распространения запрещенного материала и т.п. Функции культурного героя – «защитить род людской и вообще весь мир человеческий от злых чудовищ, которые либо воплощают в своем образе гибель мира, либо грозят разрушить только что сотворенный мир и снова свергнуть его в первозданный хаос» [Альбедиль 2002: 175–176]; такую же угрозу для разумного мира создает расширяющееся национал-социалистическое государство. В задачи культурного героя входят «защита жизни людей от чудовищ» [Мелетинский 2000: 184], «уничтожение чудовищ и демонов» [Мелетинский 2000: 198], обеспечение «победы сообразительности, континуального разума... над разрушающим хаосом и психофизиологической неполноценностью» [Руднев 2002: 47]. С целью защиты цивилизованного мира от разрушения культурный герой «отправляется в иной мир» [Мелетинский 2000: 197].

Подобно тому как культурные герои отправляются в дикие земли, которые функционально близки подземному миру, поскольку и туда, и туда вытеснен остаточный хаос (см.: [там же: 212]), работающая в Германии нелегальная оппозиция ведет, по определению К. Манна, «подземную, тайную борьбу» (198). В романе «Вулкан», в отличие от «Бегства на север» (где судьба двух культурных героев однозначно находится в центре авторского внимания), центральные персонажи – кроме Марион фон Каммер в определенный период ее жизни – слабо связаны с этим феноменом. Однако при этом в числе периферийных персонажей культурные герои присутствуют, в частности, в четвертой главе первой части романа появляются «молодые рабочие-социалисты, которые бежали сюда через Страсбург. В Берлине они были учениками Тео Хумлера» (139). Они обсуждают с Хумлером свои удачи и неудачи в деле антинацистской пропаганды среди рабочих, и он говорит следующее:

«Наше дело – *просвещать* их, и не один раз, а сотни раз. Для этого в Германии находятся те из наших людей, которые действительно что-то знают и чему-то научились. И вы для этого здесь, юноши! <...> Вы должны получить хороший материал, когда поедете обратно в Германию!» (139) (выделено мной. – А.П.). Задача всех этих персонажей заключается в «просвещении» немецких рабочих, в том, чтобы «переправлять туда разъяснения, предупреждения и призывы к непрерывному сопротивлению», «действовать в просветительском, пропагандистском ключе» (140), т. е. – в мифологической перспективе – в распространении разума и порядка на не охваченные цивилизацией территории; поэтому, несмотря на то что это персонажи второго плана, можно утверждать, что они имеют статус культурных героев.

Марион фон Каммер в период ее турне по европейским странам тоже выступает в роли культурного героя. Об этом свидетельствуют получаемые ею письма «от немцев – врагов режима наци, которые вынуждены были терпеть его в Рейхе и только на короткое время оказывались за границей. “Мы начали ненавидеть свою родину, – писали они. – Та Германия, в которой мы живем, достойна ненависти. Вы снова напомнили нам о другой Германии, вживую показали нам лучшую Германию”» (230). Считая немцев – сторонников Гитлера «ничего не понимающими и глупыми», Марион говорит о своей и своих единомышленников миссии – «их воспитывать» (263). Приобщение немцев к эмигрантскому видению мира и эмигрантской оценке происходящего в Германии в контексте мифологической семантики пространства эмиграции является приобщением к разуму и культуре – и это делает Марион культурным героем.

Следует отметить, что способность периферийных областей пространства эмиграции порождать культурных героев как реакция на расширение «темного» мира – это индивидуальная черта художественного мира Клауса Манна. Ни у Ремарка, ни у Фейхтвангера такого феномена не наблюдалось, хотя в остальном закономерности моделирования пространства эмиграции в романах данных трех авторов в целом идентичны.

Логика центростремительно ориентированного пространства эмиграции предписывает героям движение в строго определенном направлении, поэтапно «выталкивая» их сначала из «темного» центра, средоточия хаоса и неразумия, к европейской периферии, а затем из Европы – в окраинные участки пространства эмиграции. При этом второй этап данного процесса – вытеснение эмигрантов из первого во второе «кольцо» – на-

прямую обусловлен расширением немецкой территории и немецкого влияния, агрессивной экспансией Третьего рейха, и находит свое выражение как в процессах исторического масштаба, так и в событиях частной жизни героев-эмигрантов, которые в той или иной форме вытесняются либо персонально героями-наци, либо под воздействием усилившегося немецкого влияния.

При таком взгляде эмиграция становится единым сюжетно-пространственным комплексом. Зависимость сюжета от пространственно-временной организации неоднократно отмечалась теоретиками литературы. Так, Н. Д. Тмарченко пишет: «Изображенное пространство-время – это условия, *определяющие характер событий и логику их следования друг за другом*» [Тмарченко, Тюпа, Бройтман 2004: 178; выделено мной. – А.П.]. Ю. М. Лотман определяет сюжетное событие как «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман 1998: 223], а Н. Д. Тмарченко дополняет это определение следующим образом: «*Событие – переход персонажа через границу, разделяющую “семантические поля” в тексте (с точки зрения автора и читателя) или части (сферы) пространства-времени в мире (с точки зрения героя, связанной с его представлениями о цели и о препятствиях к ее достижению)*» [Тмарченко, Тюпа, Бройтман 2004: 184].

Приведенные наблюдения над соотношением пространства и сюжета в полной мере можно отнести и к изучаемому роману. Движение сюжета романа «Вулкан» определяется динамическими процессами в пространстве эмиграции: перемещения персонажей детерминированы расширением располагающегося в центре «темного» мира, в результате которого они выталкиваются из первого кольца во «второе». Это, в свою очередь, образует событийный стержень сюжетных линий как главных, так и второстепенных персонажей. Этим же фактором, а также потребностью сдержать расширение темного мира обусловлено появление особой группы культурных героев, достаточно обширно представленной в романе К. Манна. В силу этого можно утверждать, что обозначенный процесс пространственного характера оказывает решающее влияние на формирование романного сюжета, – причем данное заключение применимо не только к «Вулкану», но и к другим образцам жанра эмигрантского романа [см., например: Поршнева 2012].

Примечания

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реа-

лизации программы развития УрФУ. Работа поддержана грантом Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-1009.2012.6.

²Ссылки на номера страниц цитируемого романа К. Манна «Вулкан» далее даются в круглых скобках.

Список литературы

Альбедиль М. Ф. В магическом круге мифов. Миф. История. Жизнь. СПб.: Паритет, 2002. 336 с.

Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 312 с.

Кудашова Н. Н. Портретизация толпы в тексте прозаического произведения (на материале пролога к роману Клауса Манна «Мефистофель») // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. Саранск, 2006. Вып. 5. С. 40–44.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб., 1998. С. 14–285.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 2000. 408 с.

Плутарх. Тесей // Плутарх. Избранные жизнеописания: в 2 т. М., 1990. Т.1. С. 27–54.

Поршнева А. С. Динамика пространства эмиграции в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012. №4. Т.1: Филология. С. 63–74.

Поршнева А. С. Пространство эмиграции в романе Клауса Манна «Вулкан» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. (В печати).

Поршнева А. С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э.М.Ремарка. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. 231 с.

Руднев В. П. Винни-Пух и философия обычного языка. Изд. 3-е, испр., доп. и перераб. М.: АРГРАФ, 2002. 320 с.

Тамарченко Н. Д., Тюна В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: учеб. пособие: в 2 т. Т.1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 511 с.

Albrecht F. Klaus Manns „Mephisto. Roman einer Karriere“ // Weimarer Beiträge. Berlin; Weimar, 1988. Jg. 34, №6. S. 978–1001.

Fitzsimmons L. “Scathe me with less fire”: disciplining the African German “Black Venus” in “Mephisto” // Germanic review. Washington, 2001. Vol.76, №1. P. 15–40.

Mann K. Der Vulkan: Roman unter Emigranten. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1999. 572 S.

DYNAMICS OF THE EXILE SPACE IN KLAUS MANN'S NOVEL “THE VOLCANO”

Alice S. Porshneva

Reader of Foreign Languages Department
Ural Federal University named after B. N. Yeltsin

The article deals with various aspects of interaction of space and plot in Klaus Mann's novel “The Volcano”. The author of the article considers the phenomenon of the exile space which in the axiological aspect is inverted to the space model existing in classic forms of the myth. The author analyses the main trend of dynamic processes in the exile space, namely the expansion of the “negative» central part of the space which causes big scale and small scale events in the novel. A special group of characters is considered to be “cultural heroes” who appeared as a counterbalance for the expansion. The main ideas of the article concern not only the space dynamics in Klaus Mann's novel “The Volcano” but also various aspects of the interaction of the space and the plot in the exile novel.

Key words: K. Mann; exile; exile novel; space; plot; dynamic processes; cultural hero.